

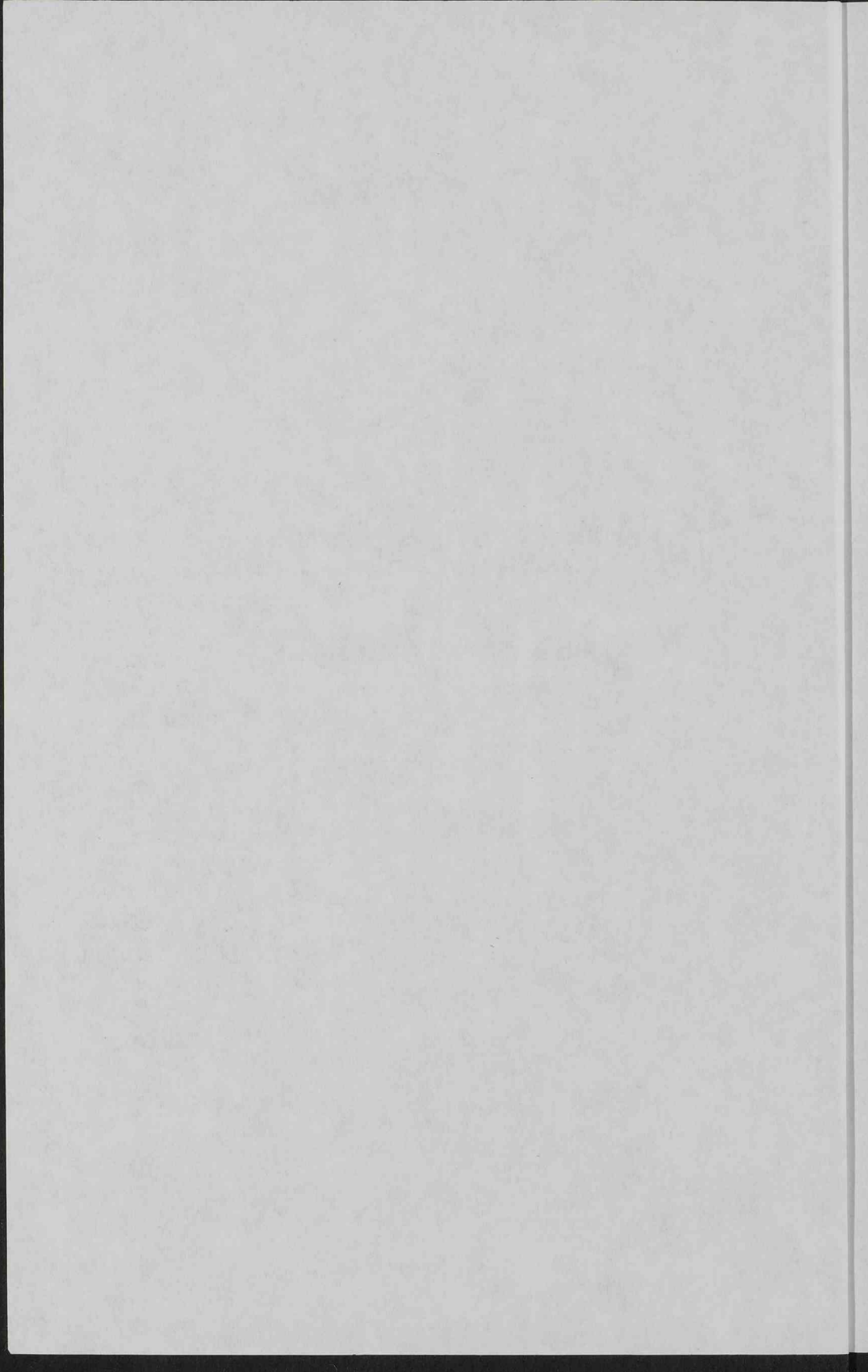
К 8 81

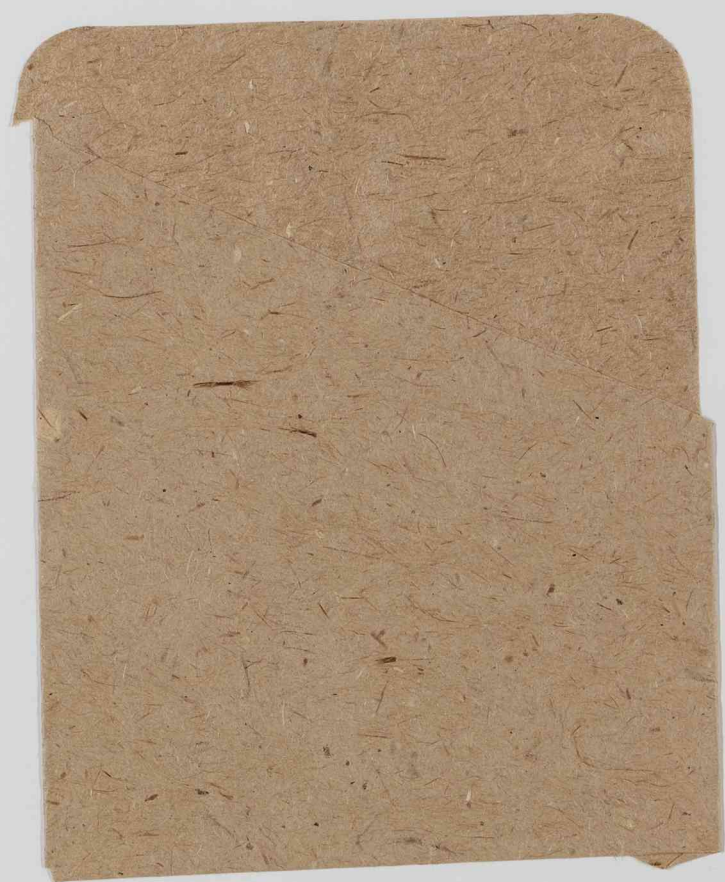
4-81

Елена Чубенко

О тех, кого
я помню
и люблю

с 766098

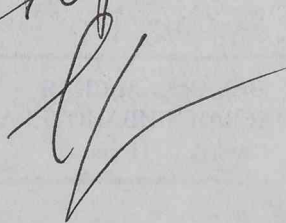
14x

Елена Чубенко

О тех, кого
я помню
и люблю

Издание второе,
переработанное и дополненное

нашей
Тушкинской
от
Чита 2011

автор

К 84 + 84(2=Рус)7

Ч-81 УДК 882
ББК 84 (2=Рус)7
Ч 81

Чубенко Е.И.

Ч 81 О тех, кого я помню и люблю.
Рассказы. – Чита, 2011. – 160 с.

ISBN 978-5-9902617-1-6

УДК 882
ББК 84 (2=Рус)7

Все права защищены.

*Любое коммерческое использование
произведения возможно только с письменного
согласия автора.*

ФОНД КРАЕВЕДЕНИЯ

ISBN 978-5-9902617-1-6

с.766098
ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ
КРАЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А.С. Пушкина

2019 © Дизайн обложки:
И.М.Безбородов, 2011
© Е.И.Чубенко, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди почти космических пространств России с ее огромным числом населенных мест есть небольшое село на берегу красивой речки Ингоды, почти в самой вершине ее течения. У него эвенкийское название Душулан, но живут в нем давно потомки русских семейских людей.

Стало быть, необычное село, если оно является родиной двух замечательных женщин-писательниц – Елены Ивановны Чубенко и Марии Сергеевны Нагаевой (Семеновы), которые с огромной любовью рассказали в своих книгах о своем селе и его людях.

Уважаемый читатель! Ты не пожалеешь времени, если начнешь читать эту книгу о дорогих ее сердцу земляках. Из коротких рассказов мемуарного характера ты почувствуешь, что прикоснулся к укладу деревенской жизни, который веками формировал русский национальный характер, лежало в основе его культуры, являлся истоком русской жизни.

Вы познакомитесь с особенностями речи семейских этого небольшого села, которая сохранила элементы языка своих прадедов, произволом самодержавия вырванных с родных мест и сосланных в Забайкалье, порадуетесь метким, образным сравнениям. Вы позавидуете удивительной атмосфере доброжелательности и уважительности друг к другу жителей Дешулана, где каждый друг друга знает, где все находятся друг с другом в далеком или близком родстве, где все причастны к тому, что происходит в селе. Вы вспомните страну, откуда мы все родом – страну своего детства... Она возвращается зримо, живо, со своими вкусами и кажется, даже запахами. Книга подкупает душевной открытостью, дневниковостью, рассказы искренни и правдивы...

Здесь живут великие труженики, многих из которых уже нет, но незримая связь с ними существует, потому что у каждого есть ангелы хранители из тех, кто любил и опекал тебя при жизни. Руки колхозных доярок, которых состарили не годы, а тяжелый каждодневный труд изуродованные ревматизмом, красноречивее всего говорят о времени и характере их труда. Но настолько они были втянуты в свою работу, что на

разрушенные фермы смотрят с тоской и болью, думая, что если б вернулись года, они смогли бы поднять рухнувшие «скелеты» крыш.

Брошены на произвол судьбы люди. Молодежь спивается. И автор с болью восклицает: «не по Божески это молодых вперед стариков хоронить!» Трудно живет деревня. А все равно хочется верить, что испытает улица хорошие времена. И будет на ней снова праздник.

Вторая часть книги посвящена Улетовскому отделу внутренних дел 80-х годов. И снова радует встреча со старыми знакомыми, они узнаваемы и близки и думаю, и эта часть найдет свой отклик в душах читателей.

Жители Улетовского района обожают прозу Е.И.Чубенко, ждут ее новые книги. И надеюсь те, кто не был знаком с ее творчеством, с интересом узнают это имя и будут более уважительно относиться людям из деревни, кто действительно является солью земли русской...

В.В.Пищугин,

*автор книг «Родные дали»,
«На Ингоде реке» и «Юго-Западнее Читы»*

ОТ АВТОРА

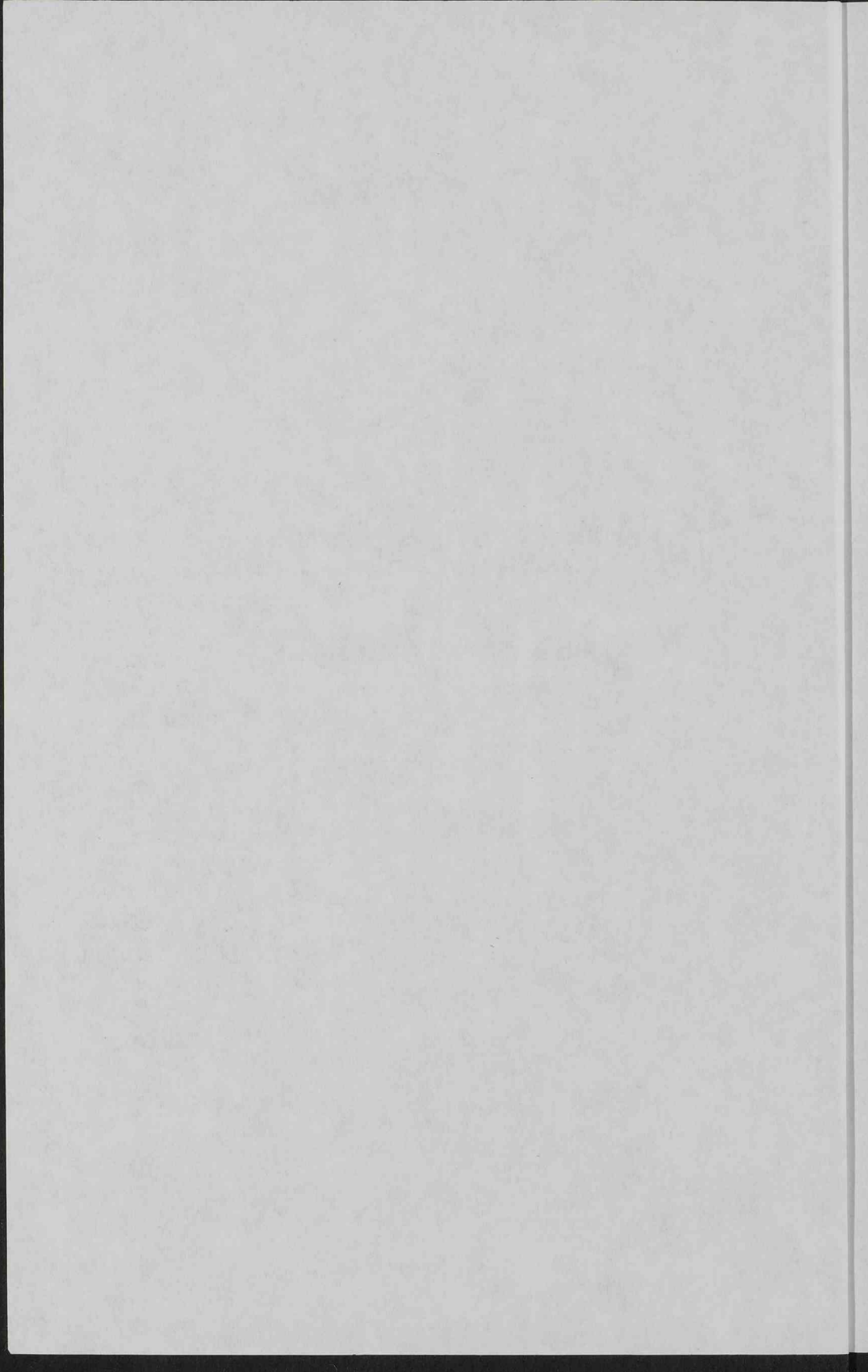
Эта книга о людях хороших, потому что их, к счастью, больше, чем плохих.

Первая часть книги – «Дешуланские покосы» – издавалась ранее и теперь неожиданно получила продолжение: мне писали мои земляки и делились воспоминаниями. Поэтому родилось продолжение.

Вторая часть – о моих коллегах из Улетовского РОВД.

Е.И.Чубенко

**ДЕШУЛАНСКИЕ
ПОКОСЫ**

ДЕШУЛАНСКИЕ ПОКОСЫ

Ничто так не лечит от занудных сидячих работ как сенокос...

Прошлая весна подарила очередной бестолковый отпуск с метанием между домом, бесконечными звонками с работы и весенне-посадочной суетой в огороде. Вышла на работу в состоянии выжатого лимона и нарастающего бешенства. Весенний снег (непостижимый божий подарок – апрельские сугробы, забытые с самого детства!), к счастью, уже к июлю подарил замечательную траву, не скосить которую было грешно.

Мама в деревне крутилась, как юла. При такой траве – и не накосить: хуже и придумать невозможно. И поэтому в выходные я со своими домочадцами, а порой оставив их, на попутках спешила в Дешулан – в свой заслуженный отпуск «релаксацию». На встретившейся на трассе машине (это просто чудо) доезжаем до поворота в село. Не успели размяться – догнал грузовик. Прыгаем в кузов, шесть минут – и мы у ворот. Родители как раз выкатили из ворот мотоцикл-доходягу. Увидев нас, мама посветлела лицом. Тут же списала отца «на землю», на домашнее хозяйство. Мой сын седлает мотоцикл, и помощники со свежими силами готовы.

Брат ждет в Ключах. Увидев нас, облегченно заводит свой грузовик (солнце-то высоко!). Свое отношение к нам (и радость от встречи, и нервы, что поздновато) выразил короткой вопросительной фразой: «На чем приперлись-то?»

Часам к десяти утра приезжаем на Луг...

Когда-то там была колхозная кошара¹, и мы, дешуланские школьники, приезжали туда на кузове грузовичка, за рулем которого был Павел Капустин, заготавливать березовые веники и травяные пучки. Под вечер развешивали веники под стропилами длиннющей кошары и шумно кидались друг в друга лонишными² сухими листьями, боролись и возились на душистой куче свежих веников. Не успею Марью Сазонову у ребят отбить, смотрю – Ленку Нагаеву зажали! Она от нас бо-

¹ кошара – утепленный загон для зимовки овец

² лонишные – прошлогодние

лее круглыми формами тела отличалась... Только что развешанные веники перемешаем на крыше до трухи, да по новой развешивать! Вдвоем с Маруськой Ленку отбиваем, по пути раздавая щедро тумачи Юрке и Сережке, своим сверстникам. Выползаем из-под крыши красные, потные, ничуть не боясь добродушного ворчанья нашего любимца – Бориса Александровича Смышляева. Тот терпеливо дожидался нас с чердака и улыбался снизу в свои прокуренные усы...

От кошары остались заросшие исполинской крапивой курганы. От унавоженной годами земли крапива растет чуть ли не трехметровая, как невиданные джунгли. В зарослях ее прячутся, наверное, те самые стропила, когда-то дарившие нам прохладу, веселье...

Тут же прячется конопля – предмет поисков шехоланских доходяг с пугающе пустыми глазами и неестественно протяжными фразами.

То ли от этих мест, или вообще от того, что я дома, с мамой – работается легко, несмотря на зной.

Пырей в этом году вырос диковинный, с синеватым отливом, как шелк. Особенно красиво смотрелся с высоты холма, куда забегали взглянуть на землянику. Пырей походил на морские волны. Порывами ветра его местами сильно наклонило. Косить эту красоту неопишную было, конечно, тяжело. Косы беспрестанно приходилось подтачивать, так как потоком воды с оврага замыло низинку, и коса шла по илу не со свистом, как полагается, и не как по маслу. Да и грузить потом накошенное на наш верный 157-й тоже было не сахар. Как покос давался моей маме, знают только такие же бестракторные косари в возрасте за шестьдесят.

Протока Ингоды, которая расположилась от нас всего в ста метрах, манила к себе. Как дитя туда ежеминутно бегать не будешь, но раза два за день вырывались и падали в теплую воду.

Мамины наказания про змей, которые испокон века там водились, сразу улетучивались, и мы с восторгом смывали с себя сенную труху и горячий пот, успевая зыркать глазами в прибрежную траву и кусты. Змеям было не до нас в эту несусвет-

ную жару – косить не надо, шурши себе пузом влево-вправо, отыскивая самые тенистые уголки...

Ополоснувшись, мы стремглав мчались обратно к табору, где мама на несколько секунд припадала к бутылке с водой. Бутылка с колодезной водой находилась в «колодце» – в бурдучьей норе, глубокой и прохладной. Часам к трем, выпив домашнюю воду, набирали ее из протоки, обливались и пили уже речную, стараясь не думать о болезнях...

Не уговорив маму искупаться, шли опять к косам, торчавшим у травы. (Мама, по-моему, всю жизнь боится купания. Ни разу не помню, чтобы она купалась. Тут, думала, заставлю залезть в воду. Нет, даже здесь, где один вид речки приносил отдых, я не смогла уломать ее окунуться хотя бы разок).

Обед на покосе невкусным не бывает. «Скоропостижный», наскоро сваренный супишко из домашней тушенки и вермишели, приправленный диким чесноком и брошенным туда же шампиньоном, парой нечаянно залетевших угольков манит за сто метров. Налетаем на наш стол (бетонная плита – основа бывшей подстанции). Приличных размеров манерка¹ опустошается с неподражаемой небывалой скоростью. Поднадоевшие, было, в июле огурцы, посыпанные крупной солью, улетаются за милую душу. Почему-то кажутся куда вкусней домашних салатов, где есть все из огорода – и редиска, и укроп, и петрушка, но только там нет свежего воздуха, травы и мамы рядом.

Еще утром, перед поездкой к маме, забежала в пекарню, купила там огромный мешок хлеба – чтобы не делать маме перерыв на квашню², пока у меня выкроилась пара деньков. Ненужная дома сметана оказалась тоже весьма кстати, мама с удовольствием ест исиндовский³ хлеб, да и я с этой сметаной «прибираю» нескромно по полбулки зараз. Конечно же, забываю рекомендации гламурных диетологов об ограничении мучного и жирного. На яблочке и кефире косу не уволочишь... Потом кружечку чаю – того самого, с угольком, с за-

¹ манерка – походный костровой котелок

² квашня – бочонок для замеса теста

³ исиндовский – нашего ЧП «Исинда»

полошно попавшей туда травинкой и с парой истомившихся на жаре карамелек – пропади пропадом фигура!

Встать после обеда мучительно трудно.

Минут на десять валимся по разные стороны от нашего стола, прямо на жаре, на бугорке, боясь нырнуть в тень, где могут быть те самые мифические змеи. К счастью, за свой сорочковник не пришлось увидеть их ни разу. А местечко, надо сказать, живописное! Суховатый бугорок обрывается в низинку, где среди покореженных половодьями верб и берез растет трава, яркая, зеленая... Там, на низинке, в жару сено высушалось буквально к вечеру. Оставляли на утро. Ближе к обеду начали сгребать кошенину¹ с низины, хватая граблями и руками огромные охапки, выносили их на бугор. Сено выглядело изумрудным, ярким. Душистое и ароматное, что просто диву даюсь. Смеемся с сестрой – сами бы ели такое! В наших не избалованных погодой местах сочная, яркая трава давно стала забытым праздником. Дожди-то всю жизнь идут не к свежей пашне да к весне, а к началу сенокоса, когда и дождить-то нечего... А нынче дал Бог снега вовремя – и лес не горел, и трава уродилась.

Поскольку косарь из меня, скажем честно, где-то на очень слабенькую троечку, я, конечно, подгадываю к гребям, чтобы помочь убрать скошенное сено.

На попутке, бывало, каждый год доезжаю до дешуланского моста и прямо через покосы, болотистую низину Дешуланки иду к кромке леса, к своим. С удовольствием приветствую земляков, которые дружными семейными бригадами убирают траву – кто руками, кто с помощью коня, а кто – трактором.

Мои «безлошадники» присели у табора, гоношат² чай, заметив меня издали. Мама, в светлом платье и платке, с абсолютно почерневшим от загара лицом, угощает меня чайком. Потом – за работу, благо в коляске мотоцикла всегда имеется пара сапог, прихваченных на всякий случай. Кроссовки в сторону – и в строй...

¹ кошенина – только что скошенная трава

² гоношить – наскоро сварить

«Кобыла» у нас уже старая, изношенная. Это два полотнища парашюта, сшитых друг с другом и обшитых по краям брезентом. За годы работы «кобыла» пришла в упадок, некоторые углы брезента заменены кусками от сахарных мешков. Грузишь на полотно сенцо, впрягаешься в два угла и понукаешь сам себя. Несмотря на возраст, «кобыла» еще резвая, если разгонишь, то свистит под ней трава – за счет парашютного материала.

«Коренником¹ пойдешь, ишо не пристала», – подшучивали мои. Минут через 15 начинали притормаживать: «Да не лети ты со всей дури! Тяжелей карандаша там ничо не подымаешь, вот и резвишься тут. Мы жа уж старые, потихоньку иди! Батка вон задохнулся совсем».

Отец отходил в сторону от палатки, пытаясь восстановить сбившееся дыхание. Никаких таблеток с собой, конечно, не было. На косарей, вооруженных тракторами, мама смотрела с завистью, будто это были не старые «Беларуси», а именные самолеты.

«Ладно, у нас «кобыла» ишо крепкая, лет на пять. А там поди ничо не надо будет...».

Поглядев на них в тот год, стали с братом настаивать, чтобы отца больше на покос не брать. И вот уже два года папка не косарь, а Щукарь – кашеварит дома, ожидая «бригаду» – маму да Женьку с Саней, иногда мы из Улет подбежим.

А нынешний пырей совсем подкосил нашу «кобыленку», одни лохмотья на углах. Да что там, старый лоскут... Под копячком² даже «ЗИЛ» стал до смешного малым, поскольку был буквально проглочен необъятной горой сена. Потихоньку, как на арбе, забираемся на один бугор, минуем второй, колхозное поле с саранчой, нагло оседлавшей каждый недоеденный стебелек, и приближаемся к Ключам. Улица пустая. В сенокос только совсем хворые да малые по домам. Оживет деревня к вечеру. Оставляем брата с сеном в его ограде и заявляемся домой. Настал час «сиесты», как в Аргентине. У них там это называется полуденным отдыхом, когда в зной невыносимо ра-

¹ коренник – главный конь в упряжке

² копячок – небольшая копна, стог сена

ботать. У нас в сенокос – это час, когда жить еще хочется, а силы нет. Чай, подогретый нашим хозяином, стынет, а мы валимся на свои лежаки. У мамы сил нет даже слегка матюгнуться, на трехэтажный матерок и не замахивается. С полчаса, а то и час лежим: спим – не спим, дышим – не дышим. Пропасть пришла! Потом плетемся в тепляк¹. Вяло ковыряем в сковородке и снова на кровать, благо до прихода коров еще есть время, а ежедневная мелочевка уже осилена отцом, который нас поджидал.

Мама охает и кричит на диване, а потом жалуется: «Не могу, сердце чо-то схватило».

Я пугаюсь не на шутку. С детства уверовала, что моя мама самая сильная, крепкая, и уж ее-то хвори непременно минуют стороной. Болячкам ее попросту было не догнать. Что-что, а на сердце никогда не жаловалась, да и с давлением только-только накоротке познакомилась. Боли все сильнее, роюсь в родительской «аптеке», нахожу валидол. По желтизне судя, мамин годок.

– Отпускает?

– Никого... колет.

– Как колет? – вспоминаю свои познания в медицине.

– Дыхну – колет. Повернуться не могу – колет.

– Ложись, мам, на пол, – до меня доходит, что прихватила спина – не сердце.

Нахожу в столешнице противорадикулитный бальзам, которого на доньшке, и начинаю «реанимацию». Мама оживает прямо на глазах, потому что сердечники так не ругаются: «Ты будто не с покоса! Что у тебя за руки, как у коня! Ой, там не дави, там больно... Ой, там вообще не шавель!»

Накрываю лежащую на полу маму чем-то теплым. Потом она робко встает с пола, все еще ворчит «за дурную силу», но с удивлением обнаруживает, что «сердце» не колет, а прилечь на диван можно даже на бок, чего до этого делать не могла из-за болей в ноге и спине.

¹ *тепляк* – летний домик, где обычно живут в летнее время при ремонте основного дома

Выходим в огород, расплескиваем из бочек теплую воду по огурцам, развесившим квелые уши листьев по бокам осевших парников. Обозначив поливку, выходим на улицу встречать скот...

Перед приходом стада на улицу выползают все соседки-сенокосчицы: Пана, Матрёна. Охая и стоная, встречаются посреди улицы, расспрашивают друг друга о «победах» на покосном фронте, жалуются – кто на боли в спине, кто на отнявшуюся к вечеру ногу и разыгравшееся давление, о которых днем вспомнить некогда было. Попутно пожалуются на хвори своих драгоценных супругов, которых нынче по состоянию здоровья с собой в поле не берут. Иногда прихватывают покашеварить у костра, а то и «тряхнуть стариной» с вилами и артериальным давлением под двести.

Вечерние заботы – поливка, коровы, дойка, сепаратор – не дают расслабиться и «похворать». Только к полуночи угомонилась вся улица. А утром опять на Луг.

Удивительным образом улетучились из головы все мысли о работе. Я, конечно, не ропщу, мне все в радость, а моих жалко. Я неделю в деревне – и к себе, на работу, а им тянуть лямку еще Бог знает сколько, потому что бросить недокошенную траву – грех тяжкий.

Дни стоят, как по заказу, и наше семейство, вытянувшее из себя все жилы адским трудом по жаре, уже начинает говорить: «Хоть бы дождик брызнул, да день-два отдохнуть».

Самое парадоксальное – никто их не гонит. Сядь, отдохни да снова за работу – прогул никто не поставит. Нет, упрямо будут тянуть до состояния ступора, когда работу вилами и косой выполнять начинают уже с видом робота, который, если остановится, то и ударится оземь...

Приехав в один из вечеров домой, не утерпела, пошла в Заречку (на ул. Заречную) поглядеть на своих давних знакомых да родню, которых так и не увидела на покосе.

Поджидая коров, все они сидели на скамейке: Матрена Нагаева, Катерина Нагаева, Арина Седунова. Прежними остались только мельчайшие кудряшки над головами Матрены и Катерины. Волосы стянуты в узелки на затылке, а над прической нимбом встают нежнейшие завитки, как на хорошей пухо-

Это была демоверсия книги - Чубенко, Елена Ивановна. О тех, кого я помню и люблю: [рассказы]

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34